

ГЕННАДИЙ
АЙГИ

стихотворения

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
А36

Иллюстрация на переплете *Анны Рысухиной*

Иллюстрация в марке серии:

© bsd / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Айги, Геннадий Николаевич.

А36 Стихотворения / Геннадий Айги. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-190140-0

Геннадий Айги (1934–2006) — всемирно известный поэт и переводчик, писавший на чувашском и русском языках; лауреат отечественных и международных премий: Французской Академии (1972), А. Белого (1987), Ф. Петрарки (1993), «Золотого венца» Стружских поэтических вечеров (Македония, 1993), Б. Пастернака (2000, первый лауреат) и др. Командор Ордена Искусств и Литературы (1998). Народный поэт Чувашской Республики (1994). Неоднократно номинировался на Нобелевскую премию. В настоящее комментированное издание избранных произведений включены стихотворения 1954–2003 годов, книги «Поклон — Пенюю» (вариации на темы народных песен Поволжья), «Мир Сильвии» и статьи о культовых фигурах русского авангарда: В. Маяковском, В. Хлебникове, А. Крученых, П. Филонове, Е. Гуро и др. Книга издается к 90-летия со дня рождения Г. Н. Айги.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Айги Г.Н., наследники, 2023

© Мирзаев А.М., предисловие,
составление, комментарии, 2023

© Оформление. ООО «Издательство

ISBN 978-5-04-190140-0 «Эксмо», 2023

ПОЭТ СВЕТА

У нас мало кто представляет меру востребованности Айги в мире: она огромна. Айги был звездой первой величины в современной мировой поэзии, о нем говорили как о живом классике, новом Малларме или новом Целане.

— *Ольга Седакова*

Самый оригинальный голос современной русской поэзии и один из самых необычных голосов в мире.

— *Жак Рубо*

Во многих стихотворениях Айги страдание, утрата и отсутствие ассоциируются с детством и сиянием. Айги — поэт света.

— *Питер Франс*

Тому, кто впервые открывает для себя творчество Айги и сталкивается с трудностями семантического восприятия, можно дать добрый совет: слушайте музыку молчания, воспринимайте романтический всплеск свободных вдоха и выдоха...

— Даниил Чкония

Геннадий Айги жил поэзией, мыслил книгами. Он говорил: «Жизнь — Книга, одна Жизнь — одна Книга».

«День присутствия всех и всего» — так называлась одна из ранних книг Айги (1963–1965 гг.). Такое же название получил и пятидневный фестиваль, организованный в 2008 году Фондом Айги и посвященный его памяти, — *Айги-Фест*, проходивший в Чувашии. На него съехались «айгисты» — друзья поэта, исследователи, критики, художники и музыканты из разных городов России. В Национальной библиотеке Чувашской Республики прошла конференция «Творчество Айги на грани XX–XXI веков в зеркале чувашского и русского языков». Мероприятия продолжились и в другие дни: в чебоксарском Художественном музее, в Шаймурзино, родной деревне Геннадия Николаевича, где он был похоронен, и в библиотеке имени Айги в Шумерле — небольшом городке на реке Суре.

Геннадий Айги покинул нас 18 лет назад. Но книги его продолжают издаваться. Интерес к его поэзии не ослабевает.

У Айги вышло уже больше ста книг — на русском и в переводах на десятки языков. О нем написано множество исследований и статей¹, изданы материалы научных конференций и сборники, ему посвященные². Почти 20 лет назад вышла монография, названная просто и лаконично — «АЙГИ»³. Хроника жизни и творчества, включенная в этот том, неоднократно перепечатывалась.

Так что было бы довольно бессмысленно еще раз пересказывать биографию Айги. Поэтому составитель этой книги решил ограничиться некоторыми малоизвестными фактами и личными воспоминаниями.

С Геннадием Николаевичем мы общались и дружили около двадцати лет. Это не были отношения

¹ Сошлюсь лишь на журнал «Литературное обозрение» (1998. № 5/6 (271/272)), в котором опубликован большой блок материалов об Айги, и специальный выпуск журнала RL (Русская литература), целиком посвященный поэту: Russian Literature. 2016. LXXIX–LXXX.

² Например: АЙГИ (Материалы. Исследования. Эссе. В двух томах. М.: Вест-Консалтинг, 2006; Поэтическое и культурное пограничье/безграничье творчества Геннадия Айги: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Г. Айги. Чебоксары: ЧГОИ, 2020.

³ Робель Леон: Айги / пер. с франц. О. Северской. М.: Аграф, 2003. (в оригинале книга вышла гораздо раньше, в 1993 г.)

учителя и ученика, скорее двух соратников, товарищей — старшего и младшего.

Сошлись мы с Айги, вероятно, еще и потому, что нас многое объединяло. Во-первых, тема: *русский литературный авангард*. Во-вторых, любимые (значимые для нас) поэты: Велимир Хлебников, Елена Гуро, Божидар, Василиск Гнедов, Алексей Крученых. В-третьих, он открывал для меня такие имена, которые и сейчас мало кто знает или помнит: удивительный верлибрист Василий Мазурин, автор единственной посмертно изданной книги стихов «В царстве жизни» (Кемерово, 1991); интереснейший и своеобразный Леонид Лавров, примыкавший к конструктивистам, с его мгновенно восхитившим меня «Золотым сечением»; даргинец, земляк моего отца Омар Батырай. Потом я прочитал немало его стихотворений в различных антологиях поэзии народов Дагестана, а тогда услышал о нем впервые. Айги же им откровенно восторгался и очень любил цитировать, особенно вот эти строки:

Телеграфный столб в пути –
Гордо поднятый твой стан.
Ослепительны глаза,
Как фарфоровый стакан,
Брови точно в два ряда
Вдоль стаканов провода.

— перевод Эффенди Капиева

Были, конечно, и другие поэты, с которыми я познакомился в первую очередь благодаря Геннадию Николаевичу. Но эти трое — из самых ярких и незабываемых открытий.

Отдельная история связана с Э. Сёдергран, о которой я тоже до знакомства с Айги не слышал (а буквально на днях я узнал, что он переводил Эдит на чувашский; этот перевод опубликован недавно, в 2014-м, в 3-м томе изданного в Чебоксарах Собрания сочинений Геннадия).

17 августа 1993 года в Рожино (Райволе) открылись «Дни финской и шведской культуры памяти Эдит Сёдергран. К 70-летию со дня смерти поэтессы». Состоялись — и конференция, и чтения (в них приняли участие поэты и писатели из Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Выборга, Петрозаводска и др. городов; среди слушателей был вице-консул Финского Генерального консульства) — по инициативе Айги, благодаря его энергии и активному участию. Участники *Дней* рассказывали о жизни и творчестве Сёдергран, читали ее стихи.

Единственная на тот момент книга Эдит «Возвращение домой» выходила в издательстве «Детская литература» (1980; 1991) в переводе Михаила Дудина. Но во время чтений ее тексты звучали и в переводе эмигрантской поэтессы Веры Булич (1898–1954), родившейся в СПб. и большую часть жизни прожившей в Финляндии. Именно там, в хельсинском архиве, и хранятся эти переводы, с которыми Айги познакомил участников чтений. Вот одно из них:

ЗВЕЗДЫ

Когда наступает ночь,
Я стою на ступеньках и слушаю.
Звезды роятся в саду,
А я стою в темноте.
Слышишь, одна звезда упала со звоном?
Не ходи по траве босиком:
Сад мой полон осколков.

Вероятно, впервые в Рощино (да и вообще в России), где Сёдергран провела последние десять лет жизни, о ней говорили как о *великом* поэте (и в этом огромная заслуга Геннадия Айги), оказавшем несомненное влияние на развитие финской и шведской поэзии и имеющем — по выражению Айги — «три отечества»: Швецию, Финляндию и Россию.¹

Сразу после райволовских *поэтических бдений* появился проект моста, который объединил бы творческие силы не только «трех родин» Эдит Сёдергран, но и других балтийских стран: Международный поэтический фестиваль (он мог бы стать ежегодным и проходить поочередно в одной из стран Балтии). Одно из его рабочих названий — «Три сестры» (то есть фестиваль, идущий под знаком трех знаменитых поэтесс Карель-

¹ Э. Сёдергран родилась в Петербурге в 1892 году в семье шведскоязычных финнов.

ского перешейка: Елены Гуро, которая жила и была похоронена в 1913 году в Уусикиркко, ныне Поляны; Анны Ахматовой, чье имя тесно связано с Комарово-Келломяки; и Сёдергран упокоившаяся в 1923-м в Рошчино-Райволе). Инициатором этого проекта вновь стал Геннадий Николаевич Айги. Он пытался расшевелить и вдохновить финских и шведских поэтов, переводчиков и культурных атташе, говорил и с нашими «чиновниками от культуры». Увы, голос его не был услышан. И это не могло не печалить Айги. «Карельская» тема не была для него чужой. Ведь на Перешеек (поселок Саарес Куркийокского района Карело-Финской ССР) впервые он попал еще ребенком, в 1940 году, прожив там вместе с семьей до начала Великой Отечественной. А в деревне Лемболово (тоже на Перешейке, Всеволожский район Ленинградской области) он провел три лета своей жизни: в 1976, 1978 и 1979 годах.

Но многое из задуманного ему удавалось осуществить на родине — в Чувашии. О самой республике и населяющем её «малом народе», чувашах, стало известно в мире во многом благодаря его антологиям («Поэты Франции»; «Поэты Венгрии»; «Поэты Польши»), переведенным на чувашский язык, и поэтической антологии Чувашии, им составленной и изданной в переводах на венгерский, итальянский, английский, шведский, итальянский языки. Айги устраивал в Чебоксарах и грандиозные

выставки, поражающие своим масштабом («Мир этих глаз» и «Мир этих глаз—2». Последняя была особенно впечатляющей. В экспозиции представлены художники, чьи работы почли бы за честь выставить в любой из мировых столиц: десятки известнейших имен, начиная с Н. Гончаровой, А. Шевченко, П. Кузнецова, А. Тышлера, А. Фонвизина, О. Розановой, Р. Фалька, Б. Эндера и заканчивая А. Зверевым, И. Вулохом, В. Яковлевым, М. Рогинским, М. Шварцманом, Н. Дронниковым, И. Кабаковым, Х. Викстеном, Г. Юккером и А. Витезом).

Геннадий Айги привозил в Чувашию известных поэтов, музыкантов, композиторов, искусствоведов, художников, переводчиков из разных стран. Устраивал Международный поэтический фестиваль имени шведского поэта и музыканта Карла Микаэля Бельмана «Скандинавия — Волга» (и издавал одноименные альманахи этого фестиваля). В 1995 году он основал Чувашское Бельмановское общество и стал его Первым Герольдом. Во время первых Бельмановских дней чебоксарская улица Дзержинского на один день переименовывается, превратившись в «улицу Бельмана». Леон Робель писал в своей монографии: «Что же подтолкнуло Айги не только перевести Бельмана на чувашский, но и чествовать его на своей малой родине? Конечно, желание „отдать долг вежливости“ Швеции, откликнуться на традиционный „день

Бельмана“, который проходит каждый год 26 июля в Стокгольме. Но не менее важна была для него, по моему мнению, задумка ввести в чувашскую культуру ощущение света, свободу звучания, свойственный кабаре шутовской праздник жизни, пыл кутежей знаменитого „трубадура Севера“».

Бельмановские праздники и фестивали устраивались неоднократно и в последующие годы: и на Волге — в Чебоксарах, Самаре, и на Неве (в 2003 году в квартире-музее А. Блока на Пряжке Геннадий выступал на открытии выставки «Больше жизни, Бельман!..» (графика и живопись чебоксарского художника Игоря Улангина, оформившего книгу Бельмана на чувашском, переведенную Айги).

Те, кто читал биографию Г.Н. Айги, хорошо знают, что он вовсе не был счастливым и баловнем судьбы. Дорога его жизни состояла зачастую из рытвин, колдобин и ухабов. И заводила она его, скитальца, в поисках работы даже в Сибирь, когда стало невозможным, на целых 10 лет, — после публикации стихов в парижском журнале «Континент» в 1975 году — возвращение на свою малую родину. А еще раньше, после исключения из комсомола и изгнания из Литературного института, он арестовывался «за бродяжничество». Ему светило три года тюремного заключения. Но Айги спасается и получает возможность бежать самым парадоксаль-

ным образом: его следователь оказывается... любителем поэзии. Вернувшись из Чувашии в Москву и оставшись без жилья, прописки и каких-либо средств к существованию, он целый год ночует то на вокзалах или телеграфе, то у случайных знакомых. И тут судьба решает смилостивиться над ним: она посылает к нему ангела-спасителя в лице Андрея Волконского — композитора, клавесиниста и основателя ансамбля старинной музыки «Мадригал». Благодаря его друзьям он устраивается на работу в Музей Маяковского. Здесь он прослужит 10 лет (с 1961 по 1971 год): сначала старшим библиографом, а позднее заведующим изосектором. А потом ему повезет еще больше. Он познакомится с легендарным с искусствоведом Н. И. Харджиевым и будет вместе с ним заниматься организацией выставок «художников-оформителей произведений Маяковского»: В. Татлина, М. Ларионова, Б. Эндера, П. Филонова, М. Матюшина, Е. Гуро, В. Чекрыгина, К. Малевича, М. Шагала.

Впрочем, все это описано, и куда подробнее, в книгах и статьях об Айги, рассказано в его собственных интервью и мемуарах. А напомнить о некоторых, в основном не самых светлых и радостных, эпизодах его биографии пришлось для того, чтобы рассеять некоторые иллюзии. Тех возможностей, которые появились после того, как поэт стал известным

в разных странах, автором многих книг, обладателем престижных отечественных и зарубежных премий, после того, как, по его собственному выражению, он из «работанта» и «отказанта» превратился в «разъезжанта», — тех возможностей у него не было до 1988 года, когда он впервые был выпущен за границу и с тех пор регулярно приглашался с чтением стихов и лекций на всевозможные литературные фестивали и научные конференции, за 10 лет объехав буквально полмира.

Но малоизвестен вот такой факт: за три года до роковой публикации в тамиздате (в ж-ле «Континент»), имевшей, мягко говоря, неприятные для него последствия, Айги выпустил свой первый поэтический сборник — причем в самиздате! К этому моменту его уже 10 лет публикуют в Европе, выходит переведенная им на чувашский антология «Поэты Франции» (1968; стихи 77 поэтов XV–XX веков), за которую через 4 года он получит премию Французской академии. В 1967-м издаются сразу две его книги в Чехословакии (на чешском и словацком). Но это все касается переводов. А собственных книг на русском языке до сей поры — ни одной (с середины 1950-х годов Айги писал параллельно на чувашском и русском, а с 1960-го, по совету Бориса Пастернака, только на русском языке). И вот в 1972 году, получив предложение от

поэта, писателя и переводчика Сергея Бычкова издать самиздатскую книгу, Геннадий дает свое согласие. Готовил ее Бычков вместе с писателем и поэтом Николаем Боковым (в 1945–2019; то время — мужем композитора Софьи Губайдулиной), который через три года эмигрирует во Францию. Сборник отпечатан на пишущей машинке тиражом 8 экземпляров. Выходные данные: «Геннадий Айги. Отмеченная зима. Избранные стихи. 1960–1971. Москва, 1972».

И пройдет еще 15 целых лет до первых официальных отечественных публикаций: в 1987-м сначала несколько его стихотворений напечатает газета «Московский комсомолец», а затем в Чебоксарах выйдет «книжка в газете» — в «Молодом коммунисте» (название газеты вряд ли радовало Геннадия, но не мог не радовать тираж — более 60 тысяч экземпляров).

Можно было бы еще много о чем вспомнить: о совместных проектах, общих друзьях, веселых посиделках, пирушках и «кутежах», о встречах, о книге-альбоме «Разговор на расстоянии», которую мы вместе с Айги пестовали и составляли, над которой корпели почти три года. М.б., и для этого когда-нибудь придет время. Но я хочу сказать о самом, быть может, важном и существенном, по крайней мере, для меня самого. Меня всегда поражали и больше

всего импонировали его абсолютная простота и естественность в общении с кем угодно, будь то нищий старик из чувашской деревни или, скажем, министр культуры. И постоянно удивляла открытость Айги, его расположенность к людям, внимательное и уважительное отношение не только к друзьям, но даже к литературным противникам: он мог не соглашаться с их литературной позицией, и ему могла быть чужда их поэтика, но я ни разу не слышал от него никакой брани (тем более нецензурной) в чей-либо адрес. Я бы назвал Айги человеком чрезвычайной внутренней честности и доброты.

И еще. Незадолго до смерти, кажется, это было летом 2005 года, в деревне Денисова Горка, где у него был дом, он сказал мне: «Думаю, я сделал все, что должен. Я написал все, что мог. Такое у меня чувство. И теперь можно уходить».

И тогда я понял, что он действительно скоро уйдет.

И он ушел. Но продолжает возвращаться, снова и снова. Приходить к нам — стихами, книгами, музыкой, которую он так любил. Он продолжает освещать путь идущим ему вослед. Продолжает звучать — во многом, что нас окружает. Но начнем ли мы, наконец, видеть, понимать, слушать и слышать его?..

И напоследок — *слово* самого Айги:

«И по-прежнему считаю, что то, что мы называем Поэзией, однородно с творящими силами Вселенной, что Слово способно стать нашей сущностью, страдающей в равноедином жизневыдерживании со всем тем, что существует в природе, вводя, таким образом, скрепляющие “моменты” человечности в мир».

— Арсен Мирзаев

СТИХОТВОРЕНИЯ

СНЕГ

От близкого снега
цветы на подоконнике странны.

Ты улыбнись мне хотя бы за то,
что не говорю я слова,
которые никогда не пойму.
Все, что тебе я могу говорить:

стул, снег, ресницы, лампа.

И руки мои
просты и далёки,
и оконные рамы
будто вырезаны из белой бумаги,

а там, за ними,
около фонарей,
кружится снег

с самого нашего детства.

И будет кружиться, пока на земле
тебя вспоминают и с тобой говорят.

И эти белые хлопья когда-то
увидел я наяву,
и закрыл глаза, и не могу их открыть,
и кружатся белые искры,

и остановить их
я не могу.

1959–1960

ОТЪЕЗД

Забудутся ссоры,
отъезды, письма.

Мы умрем, и останется
тоска людей
по еле чувствуемому следу
какой-то волны, ушедшей
из их снов, из их слуха,
из их усталости.

По следу того,
что когда-то называлось
нами.

И зачем обижаться
на жизнь, на людей, на тебя, на себя,
когда уйдем
от людей мы вместе,